

Василий
БЕЛОВ:

ЗАБЫТЬ-РЕКА И НАША ПАМЯТЬ

— Василий Иванович, помнитесь, вы закончили выступление на съезде писателей словами о том, что русская литература сильна своими традициями...

— Да, достойные книги у нас есть. Их, правда, немного, но таких книг и не бывает в избытке. Однако долг и жизнь писателя никогда не исчерпывались сочинительством как таковым. Многие наши предшественники в литературе обращались к согражданам с прямой речью по самым жгучим проблемам общественной жизни. Знаменитое толстовское «Не могу молчать», помимо всего прочего, свидетельствует о том, что мера таланта равна мере ответственности.

— В последние годы вы, как и многие ваши коллеги-писатели, ученые, представители общественности, били тревогу по поводу планов переброса части стока северных и сибирских рек в южные районы страны. И вот сейчас обнародовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о прекращении всех работ в этом направлении.

— Радостная, добрая весть. Замечательно, что у нас коренным образом изменилось отношение к мнению общественности, к настоящему и будущему родной природы. Но точку в разговоре ставить рано. У меня, конечно же, нет злорадного желания ворошить недавнее прошлое, колоть кому-то глаза старыми ошибками. Но, честно говоря, тему ответственности за разбазаривание огромных материальных и человеческих ресурсов не стоит считать автоматически закрытой. Очень важно проанализировать механизм принятия неверных решений, докопаться до корней «философии» узковедомственного восприятия проблем национального масштаба. Этого требует дух нашей перестройки.

В очерке «Раздумья на родине» я использовал старинный причет:

...Тебя станут звать, да
млада-милая,
Станут звать да за Забыть-
реку,
Ты не езди за Забыть-реку,
Ты не пей-ко забытой воды,
Ты забудешь, млада-милая,
Да свою родную сторону...

На забытой воде замешены и ведомственная амбициозность, и грошовый меркантилизм, и историческая безответственность. Вы спросите: как же могло случиться, что, вопреки предупреждениям многих специалистов, вопреки тому, что говорилось о планах переброса северных рек на XXVII съезде КПСС, явочным порядком тем не менее проводилась работа на трассе? Слово бы дело обстояло так, будто не ведомство находится в государстве, а государство — в ведомстве? Ответ до обидного прост: между расширением дорожной сети работ по перебросу, выполнением министерского плана и уровнем финансирования существовала прямая зависимость. Боялись, как бы золотой дождь не прошел стороной... А что же наука? Увы, даже Институт водных проблем АН СССР оказался втянутым в игру ведомственных интересов. Причины — те же...

Да и некоторые местные Советы у меня на родине, в зоне предполагавшегося затопления и подтопления, заняли тогда стыдливо-выжидательную позицию. Местнические интересы восторжествовали и здесь надгосударственными и общенациональными. Ничего, что уровень воды близ Тотмы поднялся бы на десять метров, зато был бы, возможно, отстроен в городе соцкультбыт — на деньги перебросчиков (и слово-то родилось какое: от бросить, перебросить, пробросаться)... Это не беда, что сотни памятников северной культуры канули бы в Забыть-реку. Лишь бы Минводхоз СССР сдержал слово да подарил, например, подтопленному Каргополью водопровод. Конечно, водопровод нужен, но не такую же цену за него платить... Перекачка предельно загрязненных вод Сухони через Кубенское озеро грозила испортить источник питьевой воды жителям Вологды, Сокола и отчасти Череповца. И хотя в полном объеме последствия переброса дали бы себя знать не ранее 2010 года, это, прямо скажем, небольшое было бы утешение для нынешнего и грядущих поколений.

— Может быть, нечто подобное и имел в виду поэт Васи-

лий Федоров, когда писал, обращаясь к человечеству: «...Земли не вечно благодать. Когда далекого потомка ты пустишь по миру с котомкой, ей будет нечего подать». Стихотворение называется «Пророчество»...

— Один из перебросчиков публично назвал русский Север богом забытым краем, не имеющим к тому же культуры земледелия. Вот уж открытие так открытие! А ведь речь-то шла о судьбе одного из исторических центров русского государства. С XVI века в наших краях выращивали товарный хлеб для продажи «в Норвегию», как тогда называли Скандинавию. И сегодня на Вологодчине бывают урожаи до 40 центнеров зерна с гектара.

Во что обходятся нам подобные «умственные» идеи, видно из опыта Нечерноземья, где в один прекрасный день было решено разделить все деревни на «перспективные» и «неперспективные» и увеличить население первых за счет вторых. Вроде бы дешево и сердито. Последствия оказались тяжкими: позакрывали магазины, школы, амбулатории и клубы, отрубили электричество у неперспективных, укрупнили центральные усадьбы и фермы, заполнили детыми интернаты...

А потом спохватились, поняв, что концентрация животноводства на Севере вредна: сенокосы и выпасы рассредоточены в поймах рек, топография пахотных земель также не благоприятствует радикально-бюрократическим преобразованиям крестьянского быта. Согласно данным научного обследования, в Пинежском районе Архангельской области наивысшие производственные показатели — как раз у малолюдных хозяйств. Вот и выяснилось, что исторически сложившаяся структура расселения была вписана в агрокультурный ландшафт и тем самым приспособлена к условиям производства, не наоборот. Планировщики укрупненных хозяйств, все эти «укрупнители» — те же сухопутные перебросчики. Они как-то недоглядели всех последствий, а в итоге — угоды, которые надо восстанавливать, деревни, которые надо вновь засе-

лять. Сокращение поголовья скота в личном секторе, разрушенная инфраструктура сельского хозяйства Нечерноземья... Не забудем, что Север и без того небогат трудовыми ресурсами.

А наши дороги?.. Укрупнениям казалось, что они на редкость ловко справились с этой проблемой: чем меньше будет хозяйств, тем меньше потребуются и внутриколхозных дорог... Но высокая степень рассредоточения северных деревень как раз диктует необходимость интенсивного развития сети дорог. Шесть лет назад принято постановление о мерах по улучшению строительства, ремонта и содержания автомобильных дорог, однако выполняется оно, я бы сказал, как-то лениво, непозволительно медленно по сегодняшним меркам, вместо дорог у нас по-прежнему вездеходы, а ущерб от бездорожья огромен.

— Оба ваших примера свидетельствуют об опасной приспособляемости рутинного мышления. Видимо, бюрократу по самой его сути выгоднее быть преобразователем или охранителем в зависимости от того, какая линия поведения сулит ему в данный момент большую степень безответственности и покоя.

— И дело тут не только в бюрократизме иного хозяйственного руководителя. Существует, на мой взгляд, и научный бюрократизм, обслуживающий ведомственные интересы. Вспомним недавнее постановление Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности некоторых отраслевых научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций».

Для меня очевидно, что безответственность в науке несовместима с совестью ученого. Ведь решение плановых органов о неперспективности тысяч деревень опиралось на рекомендации каких-то НИИ. Работала коллективная «научная» мысль. И выходит, что конкретно спросить не с кого. Между тем ответственность существует только личная. О ведомственной безответственности говорено уже много. Ученые-гидроэнергетики, например, не отве-

чают за дела в рыбном хозяйстве, не стыкуются их действия с наукой о землепользовании. Гибель нерестилищ и затопление тысяч гектаров плодородных земель мало тревожат гидроэнергетиков. Характерна подобная безответственность и для некоторых гуманитариев. Вот самый простой пример. Любимый десятиклассник расскажет вам о письме Белинского к Гоголю, но что ответил Гоголь Белинскому, не знают даже учителя. Согласитесь, что вычитавшие их литературоведы выглядят при этом не очень достойно...

— Говоря о неперспективных деревнях, вы упомянули детей, которых определяли в интернаты. Это решает одну проблему, но создает другую. Ведь известно, что основная масса этнокультурной информации усваивается нами в детстве и в семье.

— Преемственность жизни зиждется на преемственности труда и быта. Казалось бы, с политехнизацией школы отношение молодых людей к крестьянскому труду должно было измениться к лучшему. Только и сейчас немногие из выпускников стремятся в дядьки и механизаторы. Нравственное отношение к труду зависит не столько от раннего умения пахать или управляться с доильным аппаратом, сколько от духовной зрелости вступающего в жизнь человека. Между тем путь к нравственному человеку один и неизменен: через Толстого и Пушкина, все остальное идет во след. О преступном усековании школьных программ по литературе говорено и писано немало.

Но вот экспериментальное пособие Е. И. Никитиной по родному языку. Кажется, создано оно лишь затем, чтобы с одобрения Минпроса РСФСР и НИИ школ привить ребенку навыки примитивного и догматического мышления, убить вкус к живому слову и, следовательно, к жизни. В очевидном разрыве между информационно-познавательным и духовно-нравственным началами я вижу драму нашей школы и наших детей.

— Мы подошли к вопросу об экологии культуры. Этой теме была посвящена ваша книга «Лад», рассказывающая о традиционной народной эстетике вологодской деревни. В новой вашей книге публицистики «Раздумья на родине» немалое место отведено проблемам культуры уже современного села.

— По-моему, не существует отдельной нравственности для пахаря и оператора ЭВМ. Кроме того, нравственность не бывает вчерашней и сегодняшней. Ее носители жили в патриархальной деревне и живут в современном городе. Нравственный закон универсален, и он один на всех. Величайшее чудо состоит в том, что человек, живший по уму и совести в незапамятные времена, скоро находит путь и к нашему сердцу поверх любых барьеров. В преемственности нравственной традиции заключается неубывающий духовный капитал человечества, его уникальное достоинство. Но в отдельном человеке нравственность создается каждый раз заново, и никто не пройдет за нас путь, назначенный нам.

— Те, кто знаком с вашей публицистикой, знают, что у вас накопилось немало претензий к тому, как телевидение и кино влияют на воспитание нашей молодежи...

— Средства массовой информации, в первую очередь телевидение, кино и радио, призваны формировать духовный облик наших молодых соотечественников, на мой взгляд, эту свою задачу пока не решают. Судите сами: вкусы столничной редакторши и ее представления о жизни исподволь прививаются сельской девочке. Ничего хорошего из этого получиться не может и не получается. Дешевая эстрада царит в эфире. И девушки-доярки у меня на родине тянутся за предлагаемыми стандартами.

— Не в этой ли связи вы однажды цитировали объявление

в вологодской газете — «Требуются доярки»? Но в эстраде ли все зло?

— Каким бы ни было объяснение, проблема остается: деревня не просто теряет рабочие руки — она может и потерять хозяина, человека, на котором лежит ответственность за нее. Работа сельского труженика специфична, и интерес у него не всегда тот же самый, что у горожанина. Средства массовой информации должны отдавать себе в этом отчет. Прикиньте-ка, сколько у нас сельского населения, но почему-то нет для него ни отдельного канала телевидения, ни специальной радиостанции, ни собственной киностудии.

— Вот только не позабыли бы на новом телеканале, что полноценная эстетическая система не нуждается в том, чтобы утверждать себя за счет изгнания другой системы, пусть и не столь уж, на ее взгляд, полноценной...

— Согласен с вами только в том случае, если речь идет действительно о другом пласте культуры, а не о псевдокультуре. Было бы величайшим заблуждением считать псевдокультуру другой культурой, ибо она вне культуры вообще. Выдавая себя за посредника между городом и деревней, первого она потчует балабачной сусальностью «а-ля рюс», вторую — убогой эстрадой. Вот об этом надо говорить обязательно. Как и о том, что литература не отражает и сотой части народной жизни. Задумываемся ли мы над тем, что искусством теперь почему-то называют балансирование на проволоке? Отдаем ли себе отчет в том, что это значит, когда посещаемость клубов по Вологодской области составляет 4—5 процентов? Прикинули ли мы, сколь многие растут без книги в руках? В состоянии ли себе представить, как личность растворяется в алкоголе?.. О многом нам еще надо говорить, много дел еще предстоит переделать. Нам нужны сегодня ответственность, память и огласка. Но лишь исследовав истоки Забыть-реки, мы научимся противостоять ее течению и разливу. Только так мы сохраним и приумножим оставленное на нашу совесть и наше сердечное бережение.

Беседу вел
В. МАЛУХИН.